

В поисках смысла

(Сборник статей)

12+

Юрий Соловьев

Юрий Соловьев

В поисках смысла. Сборник статей

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Соловьев Ю. Ю.

В поисках смысла. Сборник статей / Ю. Ю. Соловьев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Тематика содержащихся в сборнике статей самая разнообразная — от философии и религии до истории и политики. Но вот что их объединяет, так это наличие в каждой из них загадки, которую до сих пор никто либо не разгадал, либо вообще не увидел. Свой вариант решения этих загадок автор и предлагает читателю. В оформлении обложки использована картина М. К. Чюрлениса «Сказка королей».

Содержание

Наука и религия	5
Наука и философия	8
Парадоксы Секст Эмпирика и апории Зенона	11
О становлении сознания	14
Книга как образ Вечности	20
Занимательная математика Кузанца	23
О происхождении жизни	27
О большом взрыве	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юрий Соловьев

В поисках смысла. Сборник статей

Наука и религия

Соперничество науки с религией вызвано недоразумением, связанным с непониманием существа религии и места науки в общей системе знаний.

Бытующее в науке мнение сводится к тому, что настоящее знание может быть только научным, а то, что относится к области религии, знанием не является.

Недоразумение вызвано тем, что как наука, так и религия вторгаются в сферы им несвойственные. Наука критикует религию за веру в невидимое и невоспринимаемое, религия берется судить об объектах видимого мира.

На самом деле наука и религия описывают две разные сферы, которые друг с другом не совпадают.

Наука занимается изучением сферы реального.

Религия описывает сферу идеального.

Сфера реального – это предметный мир в *процессе* своего становления.

Сфера идеального – мир в *пределе* своего становления, то есть область ставшего.

Сфера реального воспринимается органами чувств.

Сфера идеального органами чувств не воспринимается.

Поскольку наука занимается изучением сферы реального, она интересуется только информацией, которая исходит от органов чувств.

Поскольку сфера идеального органами чувств не воспринимается, наука ею не интересуется.

То есть, наука не видит в религии знания, потому что сфера идеального находится вне области ее интересов.

Отсюда следует, что религия не только не противоречит науке, но, напротив, описывает ту сторону мироздания, которую наука просто не видит.

Между тем, природу идеального легко понять, если представить круг как результат бесконечного удвоения сторон правильного многоугольника. Сколько бы стороны многоугольника ни удваивались, многоугольник кругом не станет, но будет бесконечно приближаться к его форме. В этом случае идеальный круг и будет тем идеалом, или *пределом* становления, кото-

рый занимает область ставшего, а процесс удвоения сторон многоугольника – *процессом* его становления.

Приведенный пример показывает, что сфера идеального – это не что иное, как форма объекта, а сфера реального – процесс становления формы объекта.

Все это мы можем наблюдать в повседневной жизни: сфера идеального проявляет себя в том, что каждый объект, находясь в процессе своего становления и постоянно изменяясь, в то же время стремится к некой единой форме.

Иначе говоря, сфера идеального хотя органами чувств и не воспринимается, но во всех явлениях и процессах вполне может ощущаться интуитивно. Именно из интуиции идеального возникает эстетическое чувство: мы называем красивым то, что приближается к идеальной форме, и безобразным ее нарушение. Здесь религия смыкается с эстетикой, а религиозное чувство оказывается не чем иным, как чувством прекрасного.

Из сказанного следует, что в основе религиозной веры лежит интуиция, а вера есть интуитивно воспринятая истина. Иначе говоря, интуиция является таким же инструментом восприятия, что и органы чувств.

Но коль скоро интуиция является таким же инструментом восприятия, что и органы чувств, ничто не мешает воспользоваться обоими этими способами восприятия и создать некий единый метод, который позволит определить соотношение между сферой реального и сферой идеального.

Мы увидим, что соотношение это заключается в том, что между сферой реального и сферой идеального имеется причинная связь: как форма является целью становления, так идеальное является целью реального.

Таким образом, если наука свидетельствует о том, что жизнь – это просто бесконечное стремление без начала и конца, то религия дает представление о конечных целях этого стремления, каковыми являются красота и благо.

Но форма – это также и причина становления, а идеальное – причина реального, поскольку обладает энергией, побуждающей материю к становлению.

Поэтому форма – есть главная причина и цель всех происходящих в природе процессов, а идеальное – есть главная причина и цель реального.

Но коль скоро стремление к достижению идеальной формы есть общая цель для всех происходящих в природе процессов, то все происходящие в природе процессы неизбежно должны иметь некое единое начало.

Это единое начало, которое является причиной и целью всех происходящих в природе процессов, по-видимому, и есть то, что мы называем словом «Бог».

Таким образом, Бог – это причина стремления вселенной к достижению идеальной формы.

В природе – это идеальная форма приспособленности организма к условиям окружающей среды в условиях жесткой конкурентной борьбы за существование.

В человеческом обществе – это идеальная форма общественного устройства, вроде Золотого Века человечества или Града Китежа, где все люди счастливы.

В природе организм стремится достичь идеальной формы под воздействием рефлекса, которому он жестко подчинен и который не оставляет вариантов для выбора.

В обществе человек рефлексу не подчинен и поэтому обладает свободой делать выбор.

Но свобода выбора означает для человека всего лишь право на ошибку, поскольку любой выбор, кроме правильного, может быть только выбором ошибочным.

Ошибка ведет общество к отклонению от пути к идеальной форме общественного устройства и, как следствие, уменьшает его шансы на выживание.

Значит, в обществе должен был возникнуть некий механизм, который мог заменить собой рефлекс и корректировать движение общества в направлении идеала.

Таким механизмом в человеческом обществе стала система моральных ценностей. Именно система моральных ценностей формирует тот общественный идеал, на который ориентируется общество в своем развитии.

Трудность формирования такой системы заключается в том, что она должна быть абсолютно безошибочной, иначе в ней не будет никакого смысла.

Но, чтобы создать безошибочную систему, надо иметь критерии истинности пути, по которому развивается общество. А для этого надо знать причины и цели его развития.

Науке критерии истинности пути развития общества известны быть не могут, так как причины и цели любого процесса находятся вне сферы ее рассмотрения.

Напротив, в религии эти критерии устанавливаются именно в соответствии с представлением о причинах и целях его развития. Поэтому этика может иметь абсолютный характер только в том случае, если она религиозна.

А поскольку религиозная этика формировалась в течение тысячелетий, форма ее, постоянно совершенствуясь, не могла не оказаться близкой к идеалу.

Наука и философия

1

Марксизм-ленинизм для характеристики своей системы взглядов использует странный термин «научная философия». То есть подразумевается, что марксистско-ленинская философия в своей деятельности опирается на научный метод. Если не принимать в расчет идеологический и пропагандистский характер этого термина и сосредоточиться на смысле самого термина, то уместно будет задать вопрос: а может ли философия быть научной? Ведь если философия использует научный метод, тогда это не философия, а сама наука.

Но если философия – это наука, тогда возникает другой вопрос: а что изучает наука философия? Например, наука математика изучает свойства чисел, наука химия – свойства веществ, наука биология – свойства живых организмов, наука социология – свойства человеческих коллективов. А у философии конкретного предмета изучения нет. Она может изучать и свойства чисел, и свойства веществ, и свойства живых организмов, и свойства коллективов в отдельности, а может изучать эти предметы все вместе. Значит, философия все-таки не наука, а что-то другое, и термин «научная философия» является оксюмороном, вроде горячего снега или холодного огня?

Однако, с другой стороны, когда мы говорим, например, что наука – это способ получения знания путем рационального осмысления действительности, то не можем не признать, что и философия в своих изысканиях тоже пользуется рациональными методами. Если наука, создавая ту или иную теорию, опирается на конкретные факты, то и философия, выстраивая картину мира, тоже опирается на те или иные факты. Правда, в отличие от ученого, философ не может проверить свою теорию при помощи эксперимента, но и в науке экспериментальная проверка возможна далеко не всегда (например, в науке истории). То есть получается, что между наукой и философией действительно есть много общего. Чем же тогда философия от науки отличается?

В 1989-1990 гг. журнал «Философские науки» провел дискуссию на тему «Является ли философия наукой?» Высказанные в ходе этой дискуссии мнения наглядно показали, что единства в этом вопросе нет. Причина существующих разногласий заключается, на мой взгляд, в отсутствии четких критериев, по которым можно было бы судить, какое знание является научным, а какое философским. Имеющиеся сегодня определения науки и философии указывают лишь на ряд признаков, которые им свойственны, но ответ на вопросы о том, что такое наука, что такое философия, каково соотношение между ними, нужна ли философия науке, нужна ли наука философии, они не дают.

2

Марксизм-ленинизм для характеристики своей системы взглядов использует странный термин «научная философия». То есть подразумевается, что марксистско-ленинская философия в своей деятельности опирается на научный метод. Если не принимать в расчет идеологический и пропагандистский характер этого термина и сосредоточиться на смысле самого термина, то уместно будет задать вопрос: а может ли философия быть научной? Ведь если философия использует научный метод, тогда это не философия, а сама наука.

Но если философия – это наука, тогда возникает другой вопрос: а что изучает наука философия? Например, наука математика изучает свойства чисел, наука химия – свойства веществ, наука биология – свойства живых организмов, наука социология – свойства человеческих коллективов. А у философии конкретного предмета изучения нет. Она может изучать и свойства чисел, и свойства веществ, и свойства живых организмов, и свойства коллективов в отдельности, а может изучать эти предметы все вместе. Значит, философия все-таки не наука, а что-то другое, и термин «научная философия» является оксюмороном, вроде горячего снега или холодного огня?

Однако, с другой стороны, когда мы говорим, например, что наука – это способ получения знания путем рационального осмысления действительности, то не можем не признать, что и философия в своих изысканиях тоже пользуется рациональными методами. Если наука, создавая ту или иную теорию, опирается на конкретные факты, то и философия, выстраивая картину мира, тоже опирается на те или иные факты. Правда, в отличие от ученого, философ не может проверить свою теорию при помощи эксперимента, но и в науке экспериментальная проверка возможна далеко не всегда (например, в науке истории). То есть получается, что между наукой и философией действительно есть много общего. Чем же тогда философия от науки отличается?

В 1989-1990 гг. журнал «Философские науки» провел дискуссию на тему «Является ли философия наукой?» Высказанные в ходе этой дискуссии мнения наглядно показали, что единства в этом вопросе нет. Причина существующих разногласий заключается, на мой взгляд, в отсутствии четких критериев, по которым можно было бы судить, какое знание является научным, а какое философским. Имеющиеся сегодня определения науки и философии указывают лишь на ряд признаков, которые им свойственны, но ответ на вопросы о том, что такое наука, что такое философия, каково соотношение между ними, нужна ли философия науке, нужна ли наука философии, они не дают.

2

На мой взгляд, единственным критерием, по которому можно судить о сходстве или различии между наукой и философией, может быть только применяемый ими метод. Только выяснив, какой метод используется наукой, а какой – философией, мы могли бы понять, есть между наукой и философией разница или ее нет.

Но, чтобы понять, какой метод используется в науке и какой в философии, попробуем разобраться вначале, в чем заключается процесс мышления вообще. Как заметил А.Н.Уайтхед, «мы не способны думать в терминах неограниченного разнообразия деталей. Очевидность приобретает присущее ей значение лишь в том случае, если она предстает перед нами, приведенная в порядок при помощи общих идей» («Наука и современный мир»). В самом деле, представим вступающего в мир младенца, который начинает знакомиться с окружающей действительностью. Первое, что он видит вокруг себя, – это огромное количество незнакомых фактов, которые надо как-то запомнить и в которых надо научиться ориентироваться. Единственный способ здесь – свести большое число фактов к малому, путем нахождения между ними связи. Поэтому именно в поиске связей между отдельными фактами и заключается процесс нашего мышления. Очевидно, что как в науке, так и в философии процесс мышления тоже заключается в поиске связей между отдельными фактами. Иначе говоря, сходство между наукой и философией состоит в том, что и та и другая являются способами нахождения связи между фактами.

А вот что разделяет науку и философию на два совершенно разных метода, так это способ отбора фактов. Если на бытовом уровне отбор фактов подчинен случаю и связи, которые между ними устанавливаются, носят ассоциативный, то есть дологический характер, то научный метод предполагает отбор фактов, обладающих каким-то общим признаком: все птицы летают, все рыбы плавают, восход Солнца повторяется через каждые 24 часа и т.д. Отсюда и причинно-следственный характер связей, который только и возможен между фактами обладающими общими признаками. В результате происходит разбивка единого знания на множество научных дисциплин, установление связей между которыми невозможно. Поэтому в науке принято ограничиваться так называемым «приблизительным знанием», когда научная теория описывает только некую избранную группу явлений, игнорируя ее связи с другими явлениями. Из этого следует, что используемые наукой теории ни в коей мере нельзя рассматривать в качестве описания реальной картины мира. Это гипотезы, которым, по словам А. Пуанкаре, «свойствен лишь метафорический смысл».

В особенности сказанное относится к точным наукам, где в качестве главного инструмента исследования используется математика. Математические модели ничего не говорят о процессах, которые за ними стоят. Для математики принципиально не важно, какая реальность скрывается за математическими формулами. Главное знать, как развивается процесс, чтобы его можно было использовать. Вот почему, не умея объяснить суть происходящих в природе процессов, наука, тем не менее, демонстрирует солидные успехи в создании техники. Ведь для того, чтобы построить механизм, не обязательно знать, *почему* происходят те или иные явления, важно знать, *как* они происходят. «Математика, – пишет Б.Рассел в книге «Новейшие работы о началах математики», – может быть определена как доктрина, в которой мы никогда не знаем, ни о чем мы говорим, ни то, верно ли то, что мы говорим».

Напротив, философский метод предполагает попытку установления связи между фактами, общими признаками не обладающими. Даже между теми, которые, на первый взгляд, не имеют друг к другу никакого отношения. Например, между восходом Солнца и возникновением письменности. Или, как писал в стихотворении «Числа» русский поэт В.Хлебников, «между змееобразным движением хребта вселенной и пляской коромысла». Понятно, что здесь причинно-следственных связей быть не может. Здесь связи могут обнаружиться только диалектически, через единство противоположностей. Зато такая позиция позволяет рассматривать мир как единое целое, увязать в некую единую концепцию проблемы онтологии и гносеологии, этики и эстетики, мифологии и религии. В этом случае наука, по отношению к философии, может служить исключительно в качестве источника точных фактов.

Таким образом, хотя и наука, и философия являются способами получения знания путем рационального осмысления действительности и обе руководствуются конкретными фактами, тем не менее, разница между ними весьма существенна: если наука направлена в сторону сужения области исследования, то философия – в сторону его расширения. Отсюда разные задачи, которые ставят перед собой наука и философия: наука ставит перед собой задачи сугубо прикладные, философия – чисто познавательные. Деятельность науки направлена на получение практического результата и создание технологии. Деятельность философии может быть оправдана исключительно, если она направлена на создание мировоззрения, охватывающего все сферы жизни.

Парадоксы Секст Эмпирика и апории Зенона

Древнегреческий философ второго века христианской эры Секст Эмпирик, в третьей книге своих «Пирроновых предложений», обращает внимание на любопытный, связанный с понятием «времени» парадокс. Если время, пишет он, состоит из прошлого, настоящего и будущего, то оно не существует. Ведь прошлого уже не существует, будущее еще не существует, а настоящее представляет собой не имеющую длительности точку. И поскольку протяженность точки равна нулю, то есть она не занимает места ни в пространстве, ни во времени, настоящее тоже как бы не существует. Таким образом, получается, что время состоит из несуществующих частей, а состоящее из несуществующего существовать не может.

Следует сказать, что этот удивительный парадокс не дает покоя любителям головоломок и интеллектуальных шарад и по сей день. С одной стороны, как мы имели возможность убедиться, логика подобных рассуждений кажется безупречной и опровергнуть ее логическим же путем, похоже, нет никакой возможности. Однако, с другой – как можно согласиться с тем, что явно противоречит здравому рассудку? Ведь время является самой очевидной вещью на свете. Каждое мгновение мы можем убедиться в его существовании, просто посмотрев на часы. Во времени происходит смена дня и ночи, времен года, лет. Время превращает цветущего юношу в дряхлого старца. Почему же то, что видят наши глаза и слышат наши уши, находится в столь явном противоречии с нашими умозаключениями?

Среди попыток найти объяснение данному парадоксу, чаще всего встречается точка зрения, согласно которой уже в самом условии задачи содержится ошибка. Считается, что если то же самое условие переписать несколько иначе, то проблема разрешится как бы сама собой. Например, поскольку факт восприятия человеком мира во всех его звуках, красках и запахах происходит, как известно, в настоящем, ничто не мешает нам сказать, что время состоит не из прошлого, настоящего и будущего, как у Секста, а из череды «настоящих» моментов «теперь». Тогда о времени нельзя уже будет сказать, что оно не существует, поскольку время, в этом случае, тут же превращается в длительность, а задача разрешения противоречия сводится к определению некоего момента, в течение которого происходит первичный акт восприятия.

Тем не менее, как выясняется, такая уловка не только не облегчает задачу, но, напротив, заводит ее решение в еще более глубокий тупик. Дело в том, что определить момент времени, в течение которого происходит первичный акт восприятия, оказывается так же не просто, как и опровергнуть сделанный Секстом Эмпириком вывод. В самом деле, если время состоит из череды «настоящих» моментов «теперь», которые являются его изначальными составляющими, его, так сказать, неделимыми кирпичиками, то что же тогда представляет собой это самое «настоящее»? Ведь если принять, что первичным элементом времени является не имеющее длительности мгновение (точка), то, сколько бы мы ни складывали таких мгновений, длительности из их сложения все равно не получится: сложение нулей может дать в результате только ноль. Значит, нам ничего не остается, как только предположить, что первичным элементом времени является некая бесконечно малая длительность.

Но, во-первых, выделить бесконечно малую длительность как первичный, неделимый элемент вряд ли возможно. Ведь как ни мала была бы эта длительность, она все же остается длительностью по определению и, следовательно, может быть разделена на еще более мелкие отрезки. И во-вторых, если предположить, что «настоящее» все же имеет длительность, то это означало бы, ни много ни мало, что оно может быть разбито... на «прошлое», «настоящее»

и «будущее». Но что же это за «настоящее», если оно включает в себя также «прошлое» и «будущее»? Это уже не «настоящее» времени, а само «время», и мы, таким образом, просто возвращаемся к началу задачи. Вот и выходит, что точка не может являться первичным элементом времени, поскольку сложение нулей не даст в результате ничего, кроме того же нуля, а длительность не может быть элементом времени, потому что бесконечно делима.

Тем не менее, проблема решается. Мне ее решение подсказал любопытный диалог между юным Адсоном и его многомудрым учителем Вильгельмом Баскервильским в романе Умберто Эко «Имя розы»: «Да как же это вышло, – спрашивал Адсон, – что вы разгадали тайну библиотеки, находясь снаружи? Тогда как изнутри ничего разгадать не удалось?» «Так, – ответил Вильгельм, – и Господу известно все в этом мире, ибо все зачато в его помышлении, то есть извне, еще до акта творения. А нам законы мира невняты, ибо мы обитаем внутри него и нашли его уже сотворенным».

То есть решение проблемы заключается в том, чтобы взглянуть на мир «извне». Встать на точку зрения бога и увидеть вселенную с внешней стороны. Тогда мы поймем, что нет прошедшего, настоящего и будущего, а есть некая целостность, в которой все мгновения жизни пребывают в единовременности. Это как река: если нас уносит ее течением, мы видим берег относительно себя движущимся. Если же мы поднимаемся на высоту птичьего полета, она предстает перед нами со своим берегом в единстве.

Примечательно, что подобные парадоксы возникают всегда, когда мы пытаемся составить представление о целом, исходя из его составных частей. На этом, я думаю, основаны и знаменитые апории (неразрешимые противоречия), составленные древнегреческим философом Зеноном Элейским в IV веке до нашей эры и до сих пор не получившие внятного объяснения. Если верить Диогену Лаэртскому, первоначально таких апорий было сорок пять, и они охватывали все стороны жизни. До нашего времени дошли девять. Но мы рассмотрим только две из них, так как именно в этих апориях продемонстрирован тот же тупик, который уже был рассмотрен нами в случае с делением времени на мгновения «теперь».

Так, в апории «Ахиллес» все умозаключения строятся на основе представления о дробности целого на бесконечное множество отрезков. Утверждается, что существуют ситуации, при которых Ахиллес, который способен бежать в десять раз быстрее черепахи, тем не менее, не сможет ее догнать. Ахиллес дает черепахе десять метров фору, но пока он пробегает эти десять метров, черепаха успевает преодолеть один метр. Ахиллес пробегает метр, черепаха проходит дециметр. Ахиллес пробегает дециметр, черепаха продвигается на один сантиметр. Ахиллес пробегает этот сантиметр, черепаха переползает на миллиметр. Ахиллес пробегает миллиметр, черепаха – десятую долю миллиметра и так до бесконечности. В результате получается, что догнать черепаху Ахиллес не может.

Нетрудно заметить, что вывод этот входит в противоречие с очевидным. Однако, если исходить из представления о дробности отрезка, с ним придется согласиться. В самом деле, по условиям задачи здесь нет единой для Ахиллеса и черепахи дистанции, а есть множество дистанций, на каждой из которых состязание как бы начинается заново, Ахиллес может успеть добежать только до того места, с которого черепаха уже начала свое движение. А поскольку отрезок, который преодолевает черепаха, каждый раз становится меньше, движение в целом стремится к нулю. Из этого, в соответствии с доктриной философов-элеатов, должен был следовать вывод, что, если отрезок разделить на бесконечное множество частей, преодолеть его

будет невозможно. А поскольку бесконечно делимым может быть любой отрезок, то невозможность его преодоления говорит о невозможности движения в принципе.

Совершенно иначе выглядит та же ситуация, если рассматривать дистанцию как целое. Тогда Ахиллесу легко будет догнать черепаху, поскольку времени для преодоления одной и той же дистанции ему потребуется значительно меньше, чем ей.

Аналогичный вывод следует и из апории «Стрела». С той лишь разницей, что здесь целое (время) представлено состоящим не из бесконечного множества отрезков, как в рассмотренной нами апории «Ахиллес», а из бесконечного множества неделимых точек (мгновений «теперь»). В изложении Аристотеля эта апория звучит следующим образом: «Если всякое тело покоится там, где оно движется, всякий раз, как занимает равное себе пространство, а движущееся тело всегда занимает равное себе пространство в каждый момент «теперь», то летящая стрела неподвижна».

И действительно, если принять, что время полета стрелы разделено на множество моментов «теперь», то тогда, как разъяснял еще Филопон, в каждый из этих моментов она должна занимать равное себе пространство и, следовательно, не двигаться, поскольку «двигаться в равном себе пространстве невозможно». Однако если принять за основу, что моментов «теперь» не существует, а существует целостное время полета, и стрела занимает не равное себе пространство, а пространство, равное величине всего ее полета, то окажется, что стрела находится в состоянии движения. Она как бы пребывает во всем пространстве полета одновременно.

Таким образом, если исходить из приведенных нами примеров, первичной реальностью обладает все-таки целое. Поэтому целое не является результатом сложения отдельных, входящих в него частей. Напротив, чтобы понять смысл и назначение любой части, нужно знать, какое место она занимает в целом. Как можно понять назначение, скажем, печени или легких, не зная, какое место они занимают в организме? Мы же, будучи составной частью вселенной, можем наблюдать ее только изнутри. Все процессы, которые в ней происходят, мы воспринимаем только относительно себя самих, и не знаем, как они протекают относительно целого. Вот почему в то время, как мир представляет собой единство, мы видим его в раздельности. Нам кажется, будто раздельность – одно из свойств мира, а она существует только в нашем сознании. Мы думаем, будто релятивизм теории относительности – фундаментальное свойство мира, а он лишь результат нашего способа его восприятия.

О становлении сознания

1

Этапы становления воспринимающего сознания у наших далеких предков можно проиллюстрировать на материалах книги Кена Уилбера «Проект Атман» (М., Издательство Кравчука, 2004). В этой книге автор, используя работы известных психологов, выстраивает модель становления сознания у ребенка – начиная с утробного возраста и до полного развития его у взрослого человека.

Основная идея книги заключается в том, что процесс становления сознания у ребенка – это «миниатюрная версия космической эволюции» [стр. 18]. По словам автора, взрослых из детей делает та же сила, которая сделала из амебы человека. К такому выводу он приходит на основании наблюдений ряда современных психологов, согласно которым, по словам Хайнца Вернера, «Всякое развитие всегда идет от состояния относительной всеобщности и отсутствия различий к состоянию возрастания изменчивости, выраженности и иерархической интеграции» [там же].

Моя гипотеза заключается в том, что процесс становления сознания ребенка на каждом этапе воспроизводит процесс становления сознания древнего человека – от животного к собственно человеческому.

2

Первой, до-человеческой стадии развития древнего человека соответствует зародышевая стадия ребенка, которую Уилбер называет плеромной. Плерома – это гностический термин, означающий полноту. Использование его в данном контексте обусловлено тем обстоятельством, что плерома существует вне времени и пространства, что отвечает представлению современных психологов о состоянии сознания новорожденного ребенка.

Как пишет Уилбер, «Существует почти всеобщее согласие относительно того, что ни зародыш в материнской утробе, ни новорожденный ребенок не обладают развитым чувством самости (чувство «Я»). Для новорожденного не существует никакого реального разделения между внешним и внутренним, субъектом и объектом, между телом и окружающей средой... Объективный мир и субъективное осознание ребенка совершенно не дифференцированы, новорожденный не способен отличить материальный мир от своих действий в нем. Таким образом, его самость и его физическое окружение в определенном смысле суть одно и то же» [стр. 24].

Как сказано у Владимира Соловьева: «В акте самоположения Я необходимо заключается и положение НЕ-Я, чем дается начало миру объективному, который и есть только НЕ-Я, то есть не имеет никакой самобытности, а существует лишь относительно Я, для Я как его необходимое отрицание или предел, им самим полагаемый» [соч. в 2-х тт., М., 1990, т. 2 стр. 29]. Значит, если у ребенка отсутствует чувство самости (то есть чувство своего «Я»), то не может быть и никакого внешнего мира.

Отсюда следует вывод, что коль скоро для новорожденного «нет никакой дистанции или разделения между плеромной самостью и окружением», то нет и «никакого реального про-

странства... А потому нет и никакого времени, поскольку нет возможности распознать какую-либо последовательность объектов в пространстве». Иначе говоря, осознание новорожденного беспространственно, безвременно и безобъектно [стр. 25]. По словам Неймана, исследователя юнгианской ориентации, это – «плеромная стадия райского совершенства у еще не родившегося ребенка» [стр. 26].

Но именно такой – беспространственный, безвременный и безобъектный образ мира мы находим в мифологиях разных племен, при описании его состояния *до начала творения*. Вспомним: «Тогда не было ни сущего, ни несущего; не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. Что в движении было, под чьим покровом? Чем были воды, непроницаемые, глубокие? Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было различия между днем и ночью. Без дуновения само собой дышало Единое, и ничего, кроме него, не было» [«Ригведа» X, 129]; «Когда вверху не названо небо, а суша внизу была безымянна, тростниковых загонов тогда еще не было, тростниковых зарослей видно не было. Когда из богов никого еще не было, ничто не названо, судьбой не отмечено...» [древневавилонская поэма «Энума элиш»]; «В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря, земли еще не было и небосвода, бездна зияла, трава не росла» [скандинавская «Старшая Эдда»] и т.д.

Я думаю, что это и есть состояние сознания человека, которое можно определить как «досознательное». Как и у новорожденного ребенка, сознание человека представляло собой в этот период бесформенное ощущение, не приводящее к представлению ни о пространстве, ни о времени, ни о веществе. Такое восприятие подобно реакции внутренних органов на поступление в организм питательных веществ и является одним целостным чувством, в котором тонут и потому не могут быть распознаваемы отдельные предметы и формы. Что и было зафиксировано в мифологии, как состояние предшествующее творению.

3

Вторую стадию развития ребенка Уилбер назвал уроборической, от слова «Уроборос» – мифический змей, пожирающий собственный хвост. «По словам Неймана, существует различие между плеромной и уроборической самостями. Первая абсолютно недвойственна и ни в чем не имеет границ; вторая же уже обладает некой собственной границей, начинает разрывать прежнее океаническое состояние на две глобальные части, а именно: на уроборическую самость, противопоставленную чему-то вроде «уроборического другого», или «уроборической окружающей среды»...

На этой стадии ребенок также «всецело находится во власти бессознательной природы... Он все еще, по выражению Неймана, «барахтается в своих инстинктах, как животное». Его восприятие все еще является одним целостным чувством, в котором тонут и потому не могут быть распознаваемы отдельные предметы и формы. Но «самость ребенка больше не *является* материальным хаосом... он начинает распознавать что-то *вне* себя, нечто иное, чем он сам» [стр. 28]. То есть для ребенка впервые возникает какой-то «внешний мир», нечто глобальное, неопределенное *другое*. Согласно юнгианской точке зрения, на этой стадии происходит расщепление архетипа на группы символов. Самость учится «дробить широкое содержание на частные аспекты и переживать их постепенно, один за другим» [стр. 53]. И это в точности соответствует тому, что мы находим в древних текстах, содержащих описание начала творения.

В энциклопедии «Мифы народов мира» сказано, что в самых разных традициях порядок творения всегда соответствует одной и той же идеальной схеме: хаос – небо и земля – расте-

ния – животные – человек. Последовательность появления объектов в ходе сотворения напоминает процесс зрительной адаптации, когда человек после яркого дневного света попадает в темную комнату: вначале он не видит ничего, потом появляется нечто наиболее массивное и неподвижное, то, что имеет самые общие контуры, почти лишенные форм. Потом «свет» отделяется от «тьмы» [Быт.1.4.], от «воды» отделяется «твердь», а потом наиболее общие формы дифференцируются в более конкретные: «произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду и подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле» [Быт.1.12.].

В «Теогонии» Гесиода первой сущностью является Хаос. Он не имеет конкретных черт, и судить о нем можно, только исходя из этимологии: chaos берет начало от корня cha, chaino, «зевание», «зев», «зеваю». Хаос считается первопотенцией, которая составляет изначальную целостность и включает в себя все явления. По-видимому, это и есть то состояние сознания, которое соответствует состоянию уробороса у ребенка. В дальнейшем этот первый образ начинает дробиться на множество других, что интерпретируется древними авторами как их порождение из Хаоса. Однако, хотя эти образы и обретают некоторые конкретные черты, но, в виду недифференцированности первобытного восприятия, все еще совмещают в себе ряд явлений, слитых в единый образ. Таковы в греческой мифологии собакоголовые Эринии, крылатые, с девичьими головами, птицы Гарпии, человек с головой быка Минотавр, змееногие гиганты, змееволосая Медуза, люди-кентавры с туловищем коня, сфинксы с головой человека и телом льва и прочие миксантропические существа.

4

Следующая стадия развития у ребенка сознания, которую Кен Уилбер назвал «тифонической» (Тифон в греческой мифологии – полузмей, получеловек), относится к развитию памяти.

Всю эту стадию он делит на два периода – «осевого тела» и «образного тела» – в зависимости от характера воспринимаемых ребенком образов. «Осевые образы» – это обобщенный термин для первых устойчивых образов, помогающих дифференцировать воспринимающего субъекта от воспринимаемого или ощущаемого объекта» [стр. 31]. Их характерная особенность заключается в том, что они исчезают сразу же, как только внимание ребенка переключается на другие объекты [стр. 32]. То есть не являются устойчивыми и, значит, не удерживаются в памяти.

Напротив, «образное тело» характеризуется способностью младенца «воображать или рисовать в уме существование отсутствующих в данный момент объектов» [стр. 38]. То есть, «начиная с этого периода, образы решительно входят в сферу сознания, и... к концу второго года жизни ребенок может весьма точно воображать отсутствующие объекты и значит... формировать знание о том, что мир состоит из вещественных, неизменно существующих объектов, которые могут подвергаться всякого рода преобразованиям, сохраняя при этом свою тождественность» [стр. 40]. Иначе говоря, начиная с этого периода, ребенок учится запоминать те образы, которые в стадии «осевого тела» мог только воспринимать.

Свидетельством того, что в древности человек прошел те же стадии становления памяти, которые проходит ребенок, могут являться, как не странно, палеолитические наскальные изображения. По-видимому, возникновение наскальных изображений легче всего объяснить с психологической точки зрения как бессознательную потребность закрепления в рисунке образа,

который, в стадии осевого тела, исчезает из восприятия. Возможно, именно реализация этой потребности и способствовала прогрессу в развитии памяти и переходу в стадию образного тела.

5

Для формирования детской психики характерно еще одно явление, имеющее прямые параллели с процессом формирования сознания у древнего человека. Это, столь характерное для мифологического сознания, одушевление материального мира, которое происходит на стадии развития языка. Эта стадия названа Кеном Уилбером «самостью членства (в культуре) – в том смысле, который вкладывал в этот термин Карлос Кастанеда» [стр. 46].

Пиаже объясняет это явление следующим образом: В течение ранних стадий (у ребенка – **Ю.С.**) мир и самость суть одно и то же; одно не отличается от другого (плеромические уроборические стадии). Но даже когда эти две категории становятся различными, вначале их очень тесная близость сохраняется: мир все еще сознателен и наполнен намерениями, самость все еще, так сказать, материальна. На каждом этапе процесса разделения оба они эволюционируют в смысле все большего расхождения, но у ребенка они никогда не разделяются полностью... На каждой стадии в концепции природы остается то, что можно было бы назвать «приверженностями», фрагментами внутреннего опыта, которые все еще тяготеют к внешнему миру» [стр. 40]. Так в ходе формирования речи и начала вербального мышления у ребенка происходит процесс одушевления материального мира.

А вот что мы находим у древних. Павсаний свидетельствует, что в Сикионе Зевсом считали каменную пирамиду, в городе Феспия воплощением Эроса был священный камень, а Плутарх рассказывает, что в Спарте особо чтили два соединенных перекладиной бревна: их принимали за неразлучных братьев Диоскуров – Кастора и Полидевка. То есть и каменная пирамида, и камень, и два бревна были для человека такими же одушевленными сущностями, как и он сам.

Не отделяя себя от природы, человек как бы одушевлял природу своими чувствами. Можно сказать, что по мере развертывания воспринимающего сознания он сам побывал сначала деревом, кустом, рекой или камнем, а затем и рыбой, змеем, птицей или коровой. Вот почему историю основания Афин предание возводит к змееногому Кекропу, Дафна превращается в лавр, а прекрасный юноша Нарцисс – в цветок; в даосских мифах Лао-Цзы рождается от падающей звезды, а император Яо – от красного дракона; предками племени аранда были человеко-вороны, а в мифах папуасов маринд-арим, записанных швейцарским этнографом Вирцем, рассказывается о сыне змеи, из головы которого выросла кокосовая пальма. Отсюда же такое широко распространенное среди диких народов явление, как тотемизм – то есть вера в происхождение рода от животного предка либо от природного явления.

Человек каждый раз как бы дает имя самому себе. Вначале он называет себя Хаосом, Землей, деревом и только потом – человеком. В «Субала упанишаде» прямо сказано, что Брахме, чтобы сотворить богов, риши, якшей, ракшасов, гандхарвов, деревенских и лесных жителей и скот, нужно было стать ими: «став богом, он сотворил богов; став риши – риши». Таким же способом (то есть становясь ими – **Ю.С.**) «он сотворил якшей, ракшасов, гандхарвов, деревенских и лесных жителей, скот» [2.1]. Отсюда глубинное тождество, которое в условиях мифологического сознания существует между человеком и явлением, человеком и именем явления, именем явления и самим явлением.

«Фон Берталанфи поясняет: никакого четкого различия между символом и обозначаемой вещью пока не делается. Следовательно, в каком-то смысле символ (то есть имя или какой-то иной образ) является вещью, и манипуляция с символическим образом – такая, как произнесение имени вещи в соответствующей церемонии (изображение зверей) дает власть над соответствующими объектами. У дикаря, младенца и регрессивного невротика существует масса ритуалов для осуществления подобного магического контроля» [стр. 49].

6

По мнению большинства современных психологов, главное значение языка в формировании вербального мышления у ребенка заключается в том, что последний впервые оказывается способным «выстраивать представление серии или последовательности событий, и таким образом начинает конструировать мир огромной временной протяженности» [стр. 51]. То есть «язык приносит с собой расширенную способность рисовать себе последовательность вещей и событий, которые непосредственно не представлены телесным органам чувств». По выражению Роберта Холла, «язык – это средство иметь дело с неявленным миром» [стр. 56].

Из этого следует, что «при помощи языка можно предвосхищать и планировать будущее и вести свою деятельность в настоящем с расчетом на завтра, иначе говоря, задерживать или контролировать телесные желания и активность в настоящем». То есть речь идет о «постепенном замещении простых реакций разрядки действиями. Достигается это за счет введения промежутка времени между стимулом и реакцией. Благодаря языку и его символическим временным структурам, человек может отсрочить незамедлительную и импульсивную разрядку простых биологических побуждений. Он уже не полностью подвластен инстинктивным требованиям, а способен до некоторой степени контролировать их» [там же].

Таким образом, если на стадии уробороса все реакции ребенка были полностью подчинены рефлексу, то на стадии формирования языка рефлекс отступает. Теперь реакции ребенка постепенно начинают подчиняться неким правилам, которые формируются у него под влиянием его социального окружения. Иначе говоря, у ребенка начинает формироваться мировоззрение.

Но точно так же потребность в формировании мировоззрения возникала и у человека. Пока он жил в единстве с природной средой, рефлекторные действия обеспечивали ему оптимальный режим функционирования в этой среде, то есть были, в известной степени, безошибочны. Но, когда человек стал создавать для себя искусственную среду обитания, законы пребывания в природной среде перестали быть для него значимыми. Его связь с природой утрачивается, и рефлекторные действия становятся ему не нужными. Теперь рефлекс начинает контролироваться сознанием, его команды прекращают выполняться без обдумывания, а действия, перестав быть рефлекторными, утрачивают свою безошибочность.

Вот здесь-то и возникает, по-видимому, необходимость в факторе, компенсирующем возможность совершения ошибки. Таким фактором могла стать практика накопления информации об устройстве мира и о правилах поведения в нем человека. Так появляется необходимость в мировоззрении как факторе, компенсирующем утрату способности к рефлексивным действиям.

7

Итак, процесс перехода наших далеких предков из животного состояния в человеческое можно изучать по аналогичным процессам у детей. И здесь возникает вопрос: почему этот переход происходит? Какая сила побудила дикое животное пройти сложный путь превращения в человека и с тех пор каждый раз побуждает повторять тот же путь новорожденного ребенка? И почему этот процесс не происходит с другими организмами?

Как мы только что выяснили, рост сознания у ребенка целиком зависит от его способности «к воздержанию от немедленной моторной развязки» [стр. 53]. Это достигается за счет введения временного интервала между инстинктивным откликом и образным стимулом. «Есть глубокий смысл, – утверждает Нейман, – в тенденции отделять [немедленную и инстинктивную] реакцию от вызывающего ее перцептуального образа, ... ибо результатом вмешательства эмоционально-динамических компонентов является нарушение или даже предотвращение... сознания» [стр. 54].

Таким образом, условием возникновения вербального мышления является воздержание от немедленной моторной развязки. Именно это воздержание позволяет «задерживать, контролировать, направлять и откладывать ранее импульсивные и неконтролируемые действия» [стр. 53] и, значит, «предвосхищать и планировать будущее», формируя вербальное мышление.

Но принуждение к воздержанию от «моторной развязки», то есть от физиологических, рефлекторных реакций, возникает буквально с первых минут после рождения ребенка. Едва появившись на свет, он тут же попадает в ситуацию ограничений, которые постепенно становятся только более жесткими. Думаю, эти нефизиологические условия жизни и создают предпосылки, которые постепенно вырабатывают в ребенке привычку к воздержанию, способствуя тем самым возникновению у него сначала образного восприятия и памяти, потом речи и вербального мышления.

Как известно, дикие животные, попадая в несвойственный им ритм жизни, в неестественные условия питания и размножения, навязываемые им человеческим укладом, также очеловечиваются, становясь животными домашними. Это проявляется у них в возникновении способности помнить и узнавать хозяина, отзываться на кличку, даже понимать некоторые слова (например, команды). И, наоборот, в известных случаях воспитания детей животными в условиях естественной природы человек полностью утрачивал характерные черты, отличающие его от животных.

Можно не сомневаться, что создание из первобытной обезьяны человека проходило в аналогичных условиях. В силу каких-то особых обстоятельств, о которых нам не известно, наш предок попал в ситуацию, когда физиологическое существование оказалось для него губительным. Необходимость создания вокруг себя искусственной, нефизиологической среды и стало тем фактором, который создал из обезьяны человека.

Книга как образ Вечности

Самой жгучей тайной для человека всегда была и остается тайна *времени*. Чтобы в этом убедиться, достаточно попытаться ответить на вопрос – что такое *время*? Очень скоро мы обнаружим, что сделать это не так-то просто: дальше фразы «время – это...» дело у нас не пойдет. Как писал в своей «Исповеди» христианский писатель и богослов IV в.н.э. Августин Блаженный: «Пока меня не спрашивают (что такое время – **Ю.С.**), я знаю. А если спросят, я теряюсь...»

Как известно, чтобы дать определение тому или иному процессу, этот процесс надо наблюдать. Но *время* не поддается наблюдению: оно невидимо, неслышимо, не имеет ни запаха, ни вкуса, его нельзя потрогать или почувствовать. Мы можем наблюдать его лишь косвенно, по тому, как оно воздействует на другие процессы, само же оно остается абсолютно неуловимым. Мы видим, что все движется из прошлого в будущее, все имеет свое начало и свой конец, и объясняем это воздействием *времени*. Но что такое само *время*, почему оно действует именно так, а не иначе – сказать не можем.

Таким образом, как показывает практика, все попытки дать определение *времени* обречены на неудачу. «Время – это то, что показывают часы», – сказал А. Эйнштейн, подчеркнув тем самым безнадежность этих попыток. Будучи самой реальной вещью на свете, *время* просто ускользает от определения. По-видимому, оно относится к числу тех фундаментальных категорий, которые, наряду с категориями «бог» и «единое», составляя основу мироздания, тем не менее, не имеют образа, а значит, и слов в языке для своего отражения. Кажется, Бергсон сказал где-то, что *время* является главной проблемой метафизики: разрешив эту проблему, мы разрешили бы все тайны мира.

Другой, столь же неразрешимой загадкой, тесно связанной с понятием *времени*, является понятие *вечности*. Самой распространенной точкой зрения о связи этих двух понятий является мнение, согласно которому *вечность* – это просто условное название бесконечно длящегося *времени*, которое никогда не начиналось и никогда не закончится. В классической физике даже есть понятие «ось времени», которая представляет собой прямую линию, протянутую из прошлого в будущее. Вот эта прямая, не имеющая ни начала ни конца, – и есть наглядный образ *вечности*, если ее понимать как бесконечно длящееся *время*.

При этом нельзя не признать, что если *вечность* действительно является бесконечно длящимся *временем*, то все события в этом мире по своей значимости стремятся к нулю. В самом деле, сколько бы ни длилось то или иное событие, но по сравнению с линией, не имеющей ни начала ни конца, оно превращается в пыль. Даже не в пыль, а просто в ничто, потому что, как заметил Паскаль, «конечное при сопоставлении его с бесконечным уничтожается, становясь абсолютным небытием». То есть события здесь просто теряют значение: человеческая жизнь превращается в бесцельное существование затерянного в бесконечности существа, а мир – в чудовищную бессмыслицу.

Поверить в это трудно. Нам, привыкшим к тому, что мир устроен с удивительной целесообразностью, невозможно даже вообразить, что вся его разумность лишена смысла. Это было бы похоже на некую дьявольскую насмешку, неизвестно кем и непонятно с какой целью устроенную. Нет уж, лучше все же исходить из предположения о разумности мироздания и искать

решение, в котором были бы и цель, и смысл. Например, представить *вечность* в виде некоего замкнутого континуума, в котором *время* пребывает в свернутом виде.

Лучшей метафорой, наглядно иллюстрирующей эту концепцию *вечности*, является книга. Пока книга стоит на полке, она содержит в себе начало и конец любого события в единовременности. В этом смысле она как раз и представляет собой тот замкнутый континуум, в котором *время* пребывает в свернутом виде. Движение начинается, когда начинается процесс чтения. В этот момент запечатленные в книге события волшебным образом оживают, ее герои начинают двигаться, и у них появляются судьбы. Поэтому каждая книга является как бы кусочком *вечности*, в котором в единовременности содержатся судьбы живущих в ней персонажей. Если же представить себе некую огромную библиотеку, в которой были бы запечатлены судьбы всех живущих с сотворения мира на Земле существ, такая библиотека, по-видимому, самым наилучшим образом отражала бы идею *вечности*. Тогда существование во *времени* можно было бы представить как прочитывание содержащихся в *вечности* событий сознанием читающего.

Любопытно, что похожая концепция содержится в «Велесовой книге», этой загадочной библии древних славян. Там мир делится на три части – Явь, Правь и Навь. Явь – земной, материальный мир, Правь – мир небесный, идеальный, а Навь – загробный мир смерти. Согласно тексту первой таблички, «Правь неведомо устроена Дажьбогом, а по ней, словно пряжа, течет Явь, и та создает жизнь нашу, а когда отойдет – смерть приходит. Явь есть текущее, созданное в Правь, а Навь есть до нее (Яви) и после нее – Навь». То есть Правь и есть текст, он неизменен и пребывает в вечности, а Явь – сознание читающего, создающее жизнь и пребывающее во времени. То же, что уже прочитано, и то, что еще не прочитано, принадлежит Нави, небытию.

Кстати, не случайно именно книга оказалась метафорой *вечности*. Ведь она является не чем иным, как инструментом преодоления ограниченности человека во *времени*. По мнению С.Цвейга, благодаря изобретению книги человек получил реальную возможность путешествовать во *времени* так же, как в результате изобретения колеса он получил возможность путешествовать в пространстве.

И действительно, чтобы совершить путешествие во *времени*, не нужно изобретать машину *времени*. Достаточно протянуть руку, взять с полки книгу и погрузиться в чтение. Причем, в чтение нужно именно погружаться, как в сновидение. И тогда, если, например, в руках у вас Арриан – вы примете участие в походе Александра Македонского, если Гомер – услышите в гекзаметре его стихов, как набегают на берег Трои волны древнего моря. А если это будет Платон – получите возможность перенестись в 421 год до нашей эры, чтобы в доме Крития, внучатого племянника знаменитого в Греции законодателя Солона, присутствовать на встрече Сократа с его друзьями – Тимеем и Гермократом. Это событие, малозаметное для современников, на тысячи лет останется в памяти потомков. Ведь друзья соберутся здесь для того, чтобы весь мир услышал затем рассказ Крития об Атлантиде.

Надо сказать, что идея вселенной как книги не нова и имеет весьма давнюю и прочную традицию. Так, например, в «Сефер Йецира» («Книге Творения»), одной из главных книг Каббалы, созданной в 120 году христианской эры раввином Акибой, прямо сказано, что «Ях, Повелитель Духов, живой Элохим, Царь Вселенной, Всемогущий, Милосердный, Благочестивый Бог, чье обиталище есть Вечность, начертал свое Имя и сотворил Вселенную в 32 таинственных шага мудрости тремя Серафимами: Числами, Буквами и Звуками». Причем, под 32-я шагами мудрости здесь подразумеваются именно 22 буквы древнееврейского алфавита и 10 цифр ряда натуральных чисел.

Кроме того, в начале XVII века не кто иной, как Галилей, высказал мнение, что природа, раскрытая перед нашими глазами, является огромной книгой, в которой записана вся наша философия. Ее буквы – это «треугольники, четырехугольники, круги, шары, конусы, пирамиды и другие геометрические фигуры, без помощи которых ум человеческий не может понять в ней ни слова». Тогда же Френсис Бэкон заявил, что основные качества, которыми мы характеризуем природу, соответствует ряду букв, составляющих универсальный текст вселенной. А в XX веке идею вселенной как библиотеки активно развивали Хорхе Луис Борхес и Умберто Эко в своем романе «Имя Розы».

Но если вселенная действительно представляет собой литературный текст, в котором все мы пребываем в качестве персонажей, а движение во времени есть процесс его прочтения, то это может означать только одно: есть некто этот текст читающий!

Занимательная математика Кузанца

(Николай Кузанский «Об ученом незнании», соч. в 2 т. М., «Мысль», 1979)

1

Николай Кузанский – сын рыбака, кардинал римской церкви и один из самых глубоких в мире мыслителей, характером своего творчества, как никто другой, подтверждает известную пушкинскую истину, что «гений парадоксов друг». Содержащийся уже в самом названии трактата «Об ученом незнании» парадокс, прекрасно отражает стиль мышления философа, сплошь построенного на парадоксах.

В трактате предпринята дерзновенная и блестящая попытка исследования природы Бога. Смелость и острота мысли, с которой она осуществлялась, поистине поражают воображение. Однако специфическая лексика, а также особенности стиля, характерные для философского трактата XV века, создают для современного читателя, порой, непреодолимые трудности, затемняя четкость и красоту мысли.

Я позволил себе изложить основные положения трактата своими словами, так, как понял их сам. Мне было крайне досадно, что из-за особенностей изложения для большинства читателей эта сокровищница мысли может остаться недоступной. Некоторые рассуждения, стараясь выстроить их в строгую логическую последовательность, мне пришлось поменять местами, некоторые додумывать самому. О том, что из этого получилось, судить, конечно, не мне.

2

Итак, по мнению Кузанца, самые очевидные вещи, которые постоянно находятся у нас перед глазами, имеют скрытые причины, недоступные нашему познанию. Поэтому мир делится на область существования вещей для нас очевидных и область существования их скрытых причин, недоступных познанию.

Область существования скрытых причин, недоступных нашему познанию, и есть область нашего незнания. Это и есть то, что Кузанец считает Богом. Поэтому, как говорит сам Николай, «все, чего мы желаем познать, есть наше незнание» [51] и «всякий окажется тем учнее, чем полнее увидит свое незнание» [51].

Любое познание чего-то неизвестного осуществляется «путем соизмеряющего сравнения неизвестного с чем-то уже знакомым» [50]. Соразмерность же, «означая и сходство в чем-то общем и различие, не может быть понята помимо числа. Поэтому все соразмерное так или иначе охватывается числом» [50].

Но, кроме числа, существует еще и *бесконечность*, которая «ускользает от всякой соразмерности». И поскольку «всякое разыскание состоит в более или менее трудном сравнивающем соизмерении, то *бесконечное*, как таковое, ускользая от всякой соразмерности, остается неизвестным». Вот это неизвестное бесконечное и есть область подлежащего познанию нашего незнания.

3

Свое исследование области *незнания* Николай начинает с понятия математического *максимума*. Представление о математическом *максимуме* можно получить, если представить себе вписанный в круг правильный многоугольник. Если последовательно увеличивать число граней многоугольника, его форма так же последовательно будет приближаться к форме круга. Но, сколько бы мы ни увеличивали число граней, многоугольник останется многоугольником, по отношению к которому круг и есть его *максимум*.

Согласно определению Кузанца, *максимумом* есть то, больше чего ничто не может быть [51]. При этом заметим, что *максимум* не может быть просто числом, потому что из любого числа, каким бы большим оно ни было, всегда можно получить еще большее, путем прибавления к нему любого другого числа. Посмотрим, какими свойствами должен обладать такой *максимум*.

В первую очередь следует сказать, что если *максимум* это то, больше чего ничто не может быть, это значит, что он не может быть больше самого себя. А следовательно, он не может быть и меньше самого себя, потому что иначе стало бы возможным увеличение *максимума*, что противоречит самому его определению. Но то, что не может быть меньше, чем оно есть, является *минимумом*. И значит, *максимум* совпадает с *минимумом* [54].

Из сказанного следует, что *максимум*, с которым совпадает *минимум*, не может быть *больше* самого большого числа и *меньше* самого малого. Но самое большое число – это бесконечность, а самое малое – единица. Поэтому, если *максимум* совпадает с *минимумом*, то это означает, что самое большое число совпадает с самым малым: то есть бесконечность совпадает с единицей.

Итак, предварительно мы можем сказать, что вся бесконечность чисел натурального ряда содержится в единице, которая представляет собой некую единую и нераздельную целостность, одновременно являющуюся *максимумом*.

Но посредством чисел натурального ряда определяется, как сказано ранее, все различия и все сходства между вещами. Как говорит Кузанец, без числа не может быть ни различенности, ни порядка, ни пропорции, ни гармонии, ни самой множественности вещей [56]. Следовательно, единством, заключенным между *максимумом* и *минимумом*, является не что иное как весь сущий мир.

Но если все сущее заключено между *максимумом* и *минимумом*, то между *максимумом* и *минимумом* содержится и все бытие. *Максимумом* бытия является бытие, а *минимумом* бытия является небытие. То есть максимальное бытие так же совпадает с небытием, как максимум совпадает с *минимумом*. И значит, актуальное бытие содержится между максимальным бытием и минимальным бытием или небытием, и ни с тем ни с другим не совпадает.

Таким образом, все, что в мире имеет соразмеряемую посредством числа форму, может существовать в этой присущей ему форме только между *максимумом* и *минимумом*: «все измеримое оказывается между максимумом и минимумом», – говорит Николай. Посмотрим, что же происходит с определяемыми посредством числовых параметров формами при совпадении их с *максимумом*, который числом не является. Возьмем для этого простейшую геометрическую фигуру, каковой, как известно, является треугольник.

В треугольнике *максимума* можно достичь, если до максимальных значений увеличить один из его углов. Поскольку сумма углов в треугольнике не может быть более 180^0 , размер любого из его углов также не может быть более 180^0 . Но при достижении одним из углов треугольника значения 180^0 , площадь треугольника окажется равна нулю, так как весь треугольник тут же превратится в прямую линию. Вот это и будет то, что мы назвали совпадением *максимума* с *минимумом*, при котором все значения величин находятся в промежутке между максимальной и минимальной площадью.

Но треугольник лежит в основе всякой многоугольной фигуры. Как говорит Кузанец, «всякая многоугольная фигура своим простейшим первоэлементом имеет треугольник, то есть минимальную многоугольную фигуру, меньше которой не может быть» [81]. А это значит, что не только многоугольники, но и вообще любая сложная геометрическая фигура, включая и круг, и шар, которые образуются посредством многократного удвоения сторон правильного многоугольника, тоже имеют в своей основе треугольник. Иначе говоря, в основе как бесконечного круга, так и бесконечного шара лежит бесконечный треугольник, который есть не что иное, как прямая линия.

Эта прямая линия есть одновременно и окружность, и шар, поскольку бесконечная окружность, как и поверхность бесконечного шара, имеют кривизну равную нулю. И поскольку первоначальной основой этих фигур является треугольник, в целом *максимум* представляет собой пребывающую в единстве тройцу.

Таким образом, в максимальном своем значении геометрические фигуры сливаются в неразличимое единое, которое содержит в себе все существующие формы в свернутом виде: любая прямая есть одновременно и треугольник, и круг, и шар.

Более того, поскольку *максимум* есть то, больше чего ничто не может быть, а значит, многих *максимумов* быть не может, все максимальные фигуры суть одна фигура. В самом деле, поскольку в максимальном круге и диаметр, и окружность максимальны, а многих *максимумов* быть не может, диаметр этого круга одновременно есть и его окружность. А поскольку у бесконечной окружности бесконечен и центр, то окружностью является также и центр [83]. Таким образом, окружность совпадает с точкой, *максимум* с *минимумом*. Иначе говоря, максимум свернуто содержит в себе основания всех вещей, которые разворачиваются в присущую им форму между *максимумом* и *минимумом* и различаются друг от друга благодаря числу.

Из этого следует, что основанием любой конечной фигуры является фигура бесконечная, а основанием всех вещей является максимум. «По этой причине, ввиду бесконечного единства максимума, все ему присущее есть он сам без внутренних различий и инаковости: так, премудрость не есть в нем что-то другое по сравнению с его добром, а то же самое. А его совершенно единая длительность такова, что прошедшее в ней не иное для будущего, а будущее не иное для настоящего, но все суть нераздельнейше единая длительность, или вечность, без начала и конца, потому что начало в нем так велико, что и конец в нем – начало. Все это являет собой бесконечный круг, вечный без начала и конца, нераздельно единый и всеобъемлющий» [86].

4

На первый взгляд, кажется, что все вышеизложенное – не более чем упражнение праздного ума, пустая абстракция, за которой нет никакой реальности. Но это не так. Мысль Кузанца

о том, что началом всего является некая единица, которая свернуто содержит в себе основания всех вещей и в которой все фигуры суть одна фигура, находит поразительные аналогии в субатомном мире.

Одна и та же субстанция предстает перед нами то в виде вещества, то в виде энергии, то в виде частиц, то в виде волн. Все зависит от того, что мы хотим в ней увидеть. По выражению Гейзенберга, «то, что мы наблюдаем, – не сама природа, но природа, открывающаяся нашему способу задавать вопросы». Если в ходе эксперимента мы хотим определить свойства той или иной частицы, надо просто соответствующим образом построить эксперимент. Если же мы захотим увидеть некие другие свойства, в подготовку эксперимента надо будет внести изменения. Иначе говоря, в субатомном мире, как и в *максимуме* Николая Кузанского, частица одновременно является волной, энергия – материей, движение – покоем, существование – несуществованием.

То же касается и выводов Кузанца относительно природы времени, согласно которым «прошедшее... не иное для будущего, а будущее не иное для настоящего, но все суть нераздельнейше единая длительность, или вечность». Как известно, в субатомном мире, где скорости движения частиц близки к скорости света, все процессы протекают не в пространстве и не во времени, а в четырехмерном пространстве-времени. Поэтому, как заметил по этому поводу Луи де Бройль, «все то, что каждый из нас воспринимает как прошлое, настоящее и будущее, в пространстве-времени оказывается слитым воедино».

Так Николай Кузанский, мыслитель и богослов, путем простого размышления сумел найти тот общий принцип формирования архитектуры Вселенной, который наука, спустя без малого полтысячелетия, только-только начинает нащупывать при помощи ускорителей, пузырьковых камер и других технических сооружений.

О происхождении жизни

Как известно, в современной науке попытка решения проблемы происхождения жизни опирается на убеждение, что жизнь во вселенной возникла из неживой материи. Поэтому задача, которую ставят перед собой исследователи данной проблемы, заключается в поисках механизма, который показывал бы, как происходит качественный скачок из неживого состояния материи в живое. Для этого надо построить такую модель, из которой стало бы ясно, как сложнейшая машина ДНК (своего рода фабрика-автомат) возникает из массы находящихся в хаотическом состоянии многоатомных молекул.

Поскольку вариант внешнего воздействия на положение молекул наукой не рассматривается в принципе, считается само собой разумеющимся, что жизнь во вселенной зародилась случайно, в результате беспорядочных, длящихся миллионы лет, химических взаимодействий. Отсюда следует, что и процесс образования ДНК произошел в результате простого перетраивания отдельных многоатомных блоков. Правда, по признанию большинства ученых, вероятность такого результата равна предположению, что некая мартышка может напечатать 66-й сонет Шекспира, просто беспорядочно барабанив по клавишам пишущей машинки. Поэтому, как выразился на Бюроканском симпозиуме в 1971 году один из основоположников современной молекулярной биологии профессор Крик, «мы не видим пути от первичного бульона до естественного отбора. Можно прийти к выводу, что происхождение жизни – чудо. Но это свидетельствует только о нашем незнании».

Думаю однако, дело здесь не в незнании. Похоже, механизм перехода к живой материи от материи мертвой вообще не существует, и наука ищет в темной комнате черную кошку, которой там никогда не было. Как свидетельствует В.И.Вернадский, «в течение всех геологических периодов не было и нет никаких следов абиогенеза (то есть непосредственного создания живого организма из мертвой материи)... Живое происходит только от живого, организм рождается от организма» [«Ноосфера», I, 12]. Иначе говоря, косная, мертвая материя и живая материя – это две разные, противоположные друг другу, субстанции.

Между тем, нельзя не заметить, что связь между косной материей и жизнью все-таки имеется: во-первых, жизнь нуждается в среде обитания, без которой она существовать не может, и косная материя как раз является такой средой. А во-вторых, живая материя, погибая, превращается в материю косную. То есть, с одной стороны, происхождение живой материи из косного вещества невозможно, но с другой – живая материя и косное вещество представляют собой единство. Значит, они как-то зависят друг от друга и чем-то взаимосвязаны. Можно ли представить такое устройство вселенной, в которой обеспечивалось бы сочетание косного вещества и живой материи?

Оказывается, есть гипотеза, в которой такое сочетание возможно. Она существует с древнейших времен, хотя и категорически отвергается наукой. Это представление о вселенной как о живом организме. Еще Платон писал, что «наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом» [«Тимий» 30, b]. Неоплатоник Ямвлих полагал, что «мироздание является единым живым существом. Его части разнятся по своему местоположению, но вследствие единой природы стремятся друг к другу» [«О египетских мистериях» IV, 12]. А английский философ Беркли писал, что эти части расположены друг по отношению к другу в виде цепи или лестницы, в которой «каждое низшее существо является как бы вместилищем или объектом для следующего, расположенного над ним, которое помещается и действует в нем» [«Сейрис» 276].

Такой организм вполне может рассматриваться как объект, который содержит косное вещество и живую материю в единстве. Причем, подобное предположение не так абсурдно, как может показаться.

Нам мешает согласиться с этим предположением лишь привычка считать организмом только отдельного индивида. Но ведь совокупность индивидов, составляющая коллектив особей (рой, стая, стадо и т.д.), тоже можно считать организмом! В нем, как и в индивиде, также происходят обменные процессы, он обладает коллективным разумом и коллективной волей, которые побуждают отдельных особей действовать согласованно! А живая экологическая система, в которой располагаются коллективы особей, – это тоже организм, в котором нет ничего лишнего, а отдельные части являются участвующими в его балансе органами. В свою очередь, совокупность разных экологических систем дает организм уже планетарного уровня, а совокупность планетарных систем дает вселенную. В точности как лестница Беркли.

Если принять эту точку зрения, тогда становится ясно, что неживая материя попросту не существует. Напротив, все живое! Все, что мы видим вокруг себя – реки, озера, моря, горы, звезды, планеты, галактики, – все суть не что иное, как части одного гигантского организма. Поэтому поиск ответа на вопрос, как живое происходит из неживого, полностью лишен смысла. На роль же такого организма, на мой взгляд, более всего подходит дерево. Мы не видим его целиком только потому, что сами, будучи его частью, способны воспринимать лишь его поперечный срез: мы видим отдельные его ветви, но не видим, где они соединяются. Поэтому эти ветви представляются нам автономными, не связанными друг с другом системами. На самом же деле все элементы этого дерева фундаментально взаимосвязаны. По-видимому, это и есть то, что мы знаем, как «Мировое Древо» древних религий.

На мой взгляд, данная версия гораздо более логична, нежели версия о происхождении жизни из неживой материи, и лучше соответствует наблюдаемым фактам. Почему же наука предпочитает исходить из заведомо тупиковых представлений? Я думаю, причины здесь две. Во-первых, это идущая еще от Лапласа наивная уверенность в том, что всю сложность мироустройства можно свести к двум-трем механическим взаимодействиям. Она обусловлена вполне иррациональной верой в отсутствие внешнего фактора. Но главная причина лежит не столько в логической, сколько в психологической плоскости. Это потрясение перед огромностью заполненной мертвым веществом вселенной и ничтожностью затерянной в этой вселенной жизни.

Как известно, в 1543 году, в Нюрнберге, было опубликовано сочинение Николая Коперника «О вращении небесных сфер». В нем опровергалась общепринятая в то время точка зрения о Земле как о центре мироздания и доказывалось, что Земля – только одна из множества планет, вращающихся вокруг Солнца. Значение этой книги как сугубо научного труда не шло ни в какое сравнение с тем поистине колоссальным переворотом в умах, которое она произвела в средневековом сознании. Обыватель вдруг увидел, что он живет не в уютной птолемеевой вселенной, где от края и до края можно добраться едва ли не пешком, а на планете, затерянной в бесконечных пространствах вселенной. Общее настроение, царившее в связи с этим открытием в европейском обществе, наиболее ярко выразил Паскаль, написавший около 1657 года: «Меня ужасает вечное безмолвие этих пространств».

Вот именно из этого, чисто психологического ощущения ужаса и возникло, я думаю, представление об огромной мертвой вселенной и крошечной, затерянной в безбрежных пространствах Земле. Неудивительно поэтому, что опубликованный в 1686 году капитальный

труд Ньютона «Математические начала натуральной философии» полностью следовал в русле вытекавшего из работы Коперника мировоззрения. Вселенная Ньютона оказалась гигантским часовым механизмом, главными атрибутами которого стали бесконечное пространство, бесконечное, текущее из прошлого в будущее время и мертвое вещество, которое движется в пространстве и времени под воздействием слепых механических сил. Жизнь в этой безжизненной вселенной, заполненной огромными массами вещества, просто не могла восприниматься иначе, как нечто случайное. Вот эта картина мира и стала основой всех научных концепций во всех областях знаний на ближайшие триста лет.

О большом взрыве

Теорию Большого взрыва критикуют за многие несообразности и нестыковки, но почему-то никто не обращает внимания, что теория эта полностью противоречит диалектическому закону единства и борьбы противоположностей.

Напомню, теория Большого взрыва возникла для объяснения факта красного смещения, обнаруженного американским астрономом Эдвином Хабблом в спектрах далеких галактик. Как известно, согласно эффекту Доплера, объект излучает красный цвет, если удаляется от наблюдателя, и синий, если приближается к нему. Поэтому, когда было замечено, что цвет далеких галактик несколько краснее, чем цвет более близких, был сделан вывод, что звезды удаляются. А поскольку оказалось, что при постоянно увеличивающихся расстояниях между ними их взаимное расположение остается неизменным, стало ясно, что вселенная расширяется. В результате возникла концепция, гласящая, что вселенная образовалась в результате сверхмощного взрыва некоей сверхплотной точки, в которой все ее вещество находилось до этого в так называемом сингулярном, или сверхсжатом состоянии.

Логика здесь проста, как валенок. Коль скоро вселенная расширяется, значит, был момент, с которого расширение началось. Поскольку больше всего это расширение напоминает взрыв, значит, вселенная образовалась в результате взрыва. Но раз был взрыв – значит, было и то, что взорвалось, то есть некий объект, который содержал в себе все вещество вселенной. Поскольку количество вещества во вселенной огромно, и оно образовалось в результате взрыва, значит, первоначально оно находилось в сверхсжатом состоянии.

Версия эта оставляет больше вопросов, нежели дает ответов. Непонятно, например, как могла возникнуть сама эта сверхплотная точка, характер которой никто не может представить даже теоретически. Остается открытым вопрос о причине ее взрыва. И, главное, игнорируется тот факт, что, согласно закону единства и борьбы противоположностей, любое явление может существовать только в виде единства двух противоположных начал. Согласно же этой теории во вселенной есть только одно начало: сила притяжения, которая согласно закону всеобщего тяготения существует между массами вещества.

Правда, в соответствии с этой теорией существует энергия самого взрыва, которая как бы противоположна силам тяготения. Но энергия взрыва имеет источник происхождения в самом взрыве, то есть с источником происхождения силы тяготения она не связана. Следовательно, единства между энергией первоначального взрыва и силами тяготения нет никакого, а значит, нет между ними и борьбы. Кроме того, энергию первоначального взрыва вообще нельзя рассматривать, как постоянно действующую во вселенной силу, так как время ее действия ограничено величиной первоначального импульса.

Таким образом, согласно теории Большого взрыва, во вселенной действует только одна сила – это сила всемирного тяготения, а значит, закон единства и борьбы противоположностей здесь просто не принимается во внимание. А ведь это всеобщий диалектический закон, которому подчинены буквально все процессы во вселенной. Как-то не верится, что в природе этот закон действует без всяких исключений, а в устройстве вселенной он может не действовать.

Я думаю, что причина такого отношения к основному закону диалектики в том, что добиться соответствия данной теории этому закону можно, только если предположить помимо

силы притяжения также и некую силу отталкивания. Но сила отталкивания, которой так не хватает теории Большого взрыва, может иметь только внешний по отношению к природе источник. Наука же, с ее опорой на позитивизм, существование внешнего источника не признает.

Проблема легко решится, если позитивизм удастся преодолеть. В этом случае мы должны предположить, что существует некая начальная энергия, которая действует из точки и распространяется во всех направлениях одинаково. В первый момент ее воздействия точку начинает как бы распиравать изнутри, в результате чего на месте точки образуется полость. В свою очередь полость эта, как в случае с резиновым шаром, когда его накачивают воздухом, стремится сжаться, вернуться в исконное для себя состояние отсутствия. Поэтому, когда силы, раздвигающие среду, уравниваются силами, препятствующими раздвижению, процесс творения завершается и образуется вселенная.

Вот здесь-то и возникают две противоположные силы, которые образуют единство и находятся в состоянии борьбы. Это начальная энергия, направленная из центра вселенной к ее периферии (назовем ее *расталкивающей силой*), и реакция на эту энергию, направленная в сторону, ей противоположную (назовем ее *силой гравитации*). При этом точка, откуда исходит расталкивающая сила, одновременно является центром, куда направлена сила гравитации (назовем ее *полюсом гравитации*). Сама же сила гравитации зарождается в полюсе гравитации и по мере удаления от него растет, пока не уравнивает расталкивающую силу. Это граница вселенной, ее *горизонт*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.